

О. В. Мартышин¹**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ**

То, что Конституция РФ действует уже 25 лет, свидетельствует об устойчивости государственного строя — несмотря на изменчивость внутренних и внешних условий. При этом в Конституции заложены два принципа, которые не лишены противоречивости. С одной стороны, в законе утверждается полный набор институтов демократии, с другой — устанавливаются очень широкие полномочия главы государства. Сильная президентская власть способствовала стабилизации общества — это подтверждает известную мысль о том, что переход от тоталитаризма непосредственно к демократии нереален, что между ними лежит период авторитаризма. Однако не менее острым остается вопрос о соотношении демократических и авторитарных тенденций. Коснемся этой темы, используя в качестве материала для обсуждения вызвавшую общественный интерес статью Владислава Суркова «Долгое государство Путина»². Автор рассматривает проблему обострения геополитической борьбы в контексте миропорядка, проявлений деглобализации, суверенизации и национализма. Перечисленные обстоятельства не могут не влиять на изменения политической системы, причем не в пользу демократизации. Вопрос в том, насколько глубоко их влияние. Стабильные системы способны к самонастройке, к маневрированию своими ресурсами — это исключает возможность принципиальных сдвигов.

В указанной статье сопоставляются Россия и западные страны. Применительно к Западу В. Сурков пользуется выражением (как он отмечает, турецкого происхождения, но растиражированным американскими СМИ) «глубокое государство». Смысл этого термина в том, что под демократической оболочкой скрывается реальная власть силовых структур. Отношение к фальшивой демократии у автора статьи сугубо отрицательное: ее движущие силы — недоверие и зависть.

Такие утверждения напоминают советскую традицию разоблачения буржуазной демократии и противопоставления ей подлинной советской. Напомним, что по канонам марксизма-ленинизма сутью западного

государства была реальная власть монополитического капитала. В. Сурков, говоря только о политической технологии, видит ее во власти силовиков. Противопоставление Запада и России при этом сохраняется, но по другому критерию. Беда Запада в том, что его демократические институты — обман, достоинство России — не в совершенстве политической системы, а в том, что она лишена лицемерия: «Наша система... конечно, не изящнее, зато честнее. Глубинного государства в России нет, оно все на виду... Самые brutальные конструкции его силового каркаса идут прямо по фасаду, не прикрытые какими-либо архитектурными излишествами».

Тем не менее и в отечественной политической системе различаются два пласта: глубинный, то есть народ, и поверхностный, то есть элита. У них разные жизни. Иногда они идут в одном направлении, иногда в противоположных, но никогда не сливаются. Народ не участвует напрямую в мероприятиях, в которые его вовлекает элита. При этом он «создает непреодолимую силу культурной гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту, время от времени пытающуюся космополитически воспарить». Сурков утверждает, что эта «культурная гравитация», предопределила развитие четырех основных моделей господства, условно названных именами их создателей — государства Ивана III, Петра Великого, Ленина и Путина. Автор не делает заключение о том, к чему ведет «культурная гравитация». Но вывод напрашивается сам собой: России чужды демократические формы, ей присуще либо самодержавие, либо диктатура советского типа. «Начать в России можно с чего угодно — с консерватизма, с социализма, с либерализма, — рассуждает Сурков, — но заканчивать придется приблизительно одним и тем же. То есть тем, что, собственно, и есть».

Определение культурно-исторической парадигмы российской государственности довольно реалистично, хотя и однобоко, так как сводится к технологии отношений между элитой и массами. При этом непонятно, в чем ее привлекательность. Ведь три из названных моделей распались в результате глубоких кризисов, охвативших и политическую систему. Сознвая это, автор статьи вводит в четвертую модель новый элемент, позволяющий ей «преодолеть рок».

Уникальным и главным достоинством государства Путина Сурков считает «умение слышать и понимать

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия права», «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород», учебника «Философия права» и др.

² Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.

народ, видеть его насквозь на всю глубину и действовать сообразно». Это свойство теоретически позволяет направить народ и элиту в одно русло в рамках неизменной культурной гравитации. Создается впечатление, что особые качества верховного правителя (Сурков пользуется этим термином) предполагают расширение влияния исторической традиции единовластия. «В новой системе все институты подчинены одной задаче — доверительному общению с гражданами, — пишет Сурков. — Различные ветви власти сходятся в личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь... По существу, общество доверяет только первому лицу... Современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику».

Как оценка политического режима статья В. Суркова во многом верна и заслуживает пристального внимания, поскольку принадлежит перу человека, относящегося к правящей элите, то есть знающего систему власти изнутри. Его откровенность не только удивляет, но и заслуживает уважения. Однако как политическая программа, как ориентир на будущее статья неубедительна и требует критического разбора.

По существу, то, что предлагает В. Сурков, лежит в лоне монархического правосознания, для которого, по оценке И. А. Ильина, характерны иррационализм и сакрализация власти. С 1990-х годов монархические настроения оживились в России в разных формах: от политических и религиозных движений до тяготения некоторых правоведов к священному и даже возрождения теологических представлений о государстве и праве. Статья Владислава Суркова вписывается в этот контекст, хотя носит вполне секулярный характер. Всякая личная власть сродни прерогативе монарха. Призыв не путать описанную им модель с «пресловутой верой в доброго царя», так как глубинный народ

не наивен и едва ли считает добродушие царским достоинством, неубедителен. Представления о царе-батюшке всегда ассоциировались не столько с добротой, сколько со справедливостью, а она требует суровости к отступникам и притеснителям народа. Отсюда пиетет к Ивану Грозному, которым проникнут фольклорный образ царя. Неслучайно Н. Н. Алексеев писал, что «политическое учение Грозного целиком было заимствовано теоретиками нашей абсолютной монархии вплоть до нашего времени»¹.

Главный порок абсолютизма четко сформулирован Монтескье: «если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона»².

Между тем именно к этому «притягивает (придавливает) наша „культурная гравитация“», и единственный выход состоит не в уповании на справедливого верховного правителя, а в преодолении такого тяготения.

Совершенствование государственного строя РФ предполагает систему власти, главным институтом которой является не личность, а независимые учреждения, действующие в рамках закона, открытые для общественного контроля и критики, что содействует их оздоровлению. Вся история Российского государства свидетельствует о том, что способность замкнутой системы власти к самоочищению и саморазвитию слишком мала и на нее нельзя полагаться.

Вопрос о том, насколько исчерпал себя положительный потенциал авторитарных методов управления, оправданных в переходный период, спорен. Но кажется очевидным, что перспективы развития России состоят не в увековечении переходных мер, а в постепенном целенаправленном и планомерном развитии демократических начал. Политическая система РФ, функционирующая на основе действующей Конституции, позволяет следовать этим курсом и в условиях мировой нестабильности.

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. С. 64.

² Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. С. 176.